

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Ранние огни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Ранние огни / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2025. – 424 с.

ISBN 978-5-519-99123-0

ISBN 978-5-519-99123-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ темную ночь ранніе огни — первые провозвѣстники грядущаго дня...

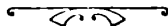
Часто гаснуть во мракъ, но отсвѣтъ долго живетъ въ душѣ...

Разъ загорѣлись — все равно: ночь побѣждена, заря недалеко.

Привѣтъ вамъ, ранніе огни!

Первые восходы! Ихъ напослѣдокъ остуживаетъ и мертвить мстительная, умирающая зима. Блеклые остаются не свидѣтелями ея торжества, а смѣлыми, ранними побѣгами побѣдоносной весны.

Слава показавшему свѣтъ!

„Мы изъ Интельви“.

I.

Ярко и знойно. Озеро замерло въ сонныхъ берегахъ. Платаны и тополи опрокинулись въ зеркальныя воды. Смотрять и не насмотрятся!.. Горы млѣютъ въ жарѣ голыми вершинами. Виллы опустили жалюзи, точно зажмурились, и спятъ. Только неугомонные пароходы наслѣдили бѣлой пѣной по сверкающей бирюзѣ и мѣрно гонять изъ-подъ колесъ волну за волной въ безлюдныя пристани... Въ Ардженьо шумить веселая толпа. У отеля Баркетто стоятъ въ тѣни ослики. Опустили хвосты и головы и грезять... Даже отмахиваться отъ мухъ мѣнь въ такай зной. Ну ихъ, пусть ѣдятъ. И мухъ жить нужно. Развѣ поводарь дернетъ четвероногого философа за длинное ухо, и тотъ вскинетъ голову: отстань де, и безъ тебя тошно. Съ палубы больно смотрѣть. Солнечные блики слѣпятъ. Подъ тентомъ душно. Кажется, должно бы продувать, а дышать нечѣмъ. Толстая, разрумяненная и набѣленная итальянка рядомъ — зебра зеброй. Капли пота исполосовали ей лицо такъ, что извѣстный миланскій карикатуристъ около уже зарисовываетъ ее въ дорожный альбомъ... Намъ здѣсь сходить. Неосторожно схватился я за окован-

ныя мѣдью перила лѣсенки и обжегъ ладонь, а на пристани новое горе: не дають пройти гиды, хозяева ослонь, комиссіонеры изъ гостиницъ. Здѣсь я законная добыча наиболѣе смѣлаго и ловкаго. Хватають за рукава, за полы, орутъ въ лицо, жестикулируютъ у самыхъ глазъ, точно собираются подставить мнѣ фонарь.

— У меня такой осель!

— Не слушайте, у него не осель, а калѣвка. Его ослу давно околѣвать пора.

— Не хотите ли съѣздить на Монте-Дженерозо? Какъ на крыльяхъ подыметесь!—И косоглазый парень машетъ оборванными полами, изображая орла, взвивающагося въ поднебесье.

— Вонъ оно, Монте-Дженерозо.

Если бы и была охота, — достаточно взглянуть туда, чтобы отбило.

Голыя скалы на самомъ припекѣ и каменная часовенка надъ ними. Будто ее изъ тигля выхватили,—вся раскалилась.

— Ну, кто теперь въ горы ѣздить! — перебиваетъ другой оборвышъ.

— Развѣ кому жизнь не мила!

— Синьоръ желаетъ въ долину Интельви?..

— Въ Скиньяно!

— Нѣтъ, въ Санъ-Сизино!

— Сколько у Бога мѣстъ, а лучше Интельви даже Онъ не выдумалъ.

— Синьоръ, со мною..

— Эччеленца (превосходительство) на тебя и плюнуть не захочетъ!

— Стоитъ ему посмотрѣть на твою рожу, чтобы...

— Что, чтобы?

— Ничего!—И конкурентъ изображаетъ глазами и губами такое отвращеніе, а у самого на лицѣ черти горохъ молотили.

— То-то ничего!

— Синьоръ, я говорю на всѣхъ языкахъ...

— Нужны ему твои языки, ему и своего довольно...

— Онъ лжетъ на всѣхъ языкахъ... Не вѣрьте ему.

— Онъ васъ зарѣжетъ.

— У него и осель разбойничій... Вчера англичанку въ пропасть свалилъ.

— А твой только подъ попами ходить привыкъ...

— Ужъ если попа подыметъ, такъ принцпне (князь) на немъ будетъ какъ въ люлькѣ...

— Я, я знаю эччеленцу... Эччеленца любить бѣднаго Піетро. Эччеленцѣ извѣстно, что у меня девять bambini (дѣтей)

— Да ты и не женатъ.

— Тѣмъ хуже. Если бы была жена, она при-сматривала бы за ними. А дѣтей можно и безъ жены имѣть... И они какъ и при женѣ всѣ ѣсть хотятъ; синьоръ, разумѣется, поѣдетъ со мною.

— Убирайтесь къ чорту. Я никуда не ѣду.

— Какъ никуда?

— Развѣ это возможно? Вотъ такъ новость!

— Если путешественники будутъ здѣсь останавливаться, чтобы никуда не ѣздить...

— Какой же это порядокъ?

— Просто свинство!

— Что же, намъ умирать съ голоду для вашего удовольствія?

Что выдумалъ!

— Какія слова!.. Всего одинъ высадился, да и тотъ никуда!

— На какого дьявола и въ Ардженьо прїѣзжать!..

— Эччеленца, разумѣется, пошутилъ. Онъ не захочетъ обидѣть бѣднаго Піетро съ его пятью малютками.

— Вы, кажется, говорили о дѣяти?

— Если угодно вашей милости, у меня ихъ будетъ и одиннадцать. Мы стараемся служить иностранцамъ.

— Ихъ хлѣбъ ѣдимъ.

— Не теряйте даромъ времени, друзья. Я, все равно, никуда не поѣду. Я ужъ былъ на Бисбино, а Дженерозо—то же самое.

— Бисбино!—съ необыкновеннымъ презрѣніемъ отплюнулся одинъ.

— Эй, амісі, онъ сравниваетъ Бисбино съ Дженерозо.

— Блоху со слономъ.

— Послѣ этого онъ скажетъ, что чентезима равняется тысячѣ лиръ.

— Или вотъ этотъ камешекъ — миланскому собору...

— Или нашъ падре—самому папѣ...

— Бисбино — котенокъ, да и то слѣпой, котораго добрая хозяйка въ помойную яму выкинула... Вотъ онъ, вашъ Бисбино.

— Прыщъ, а не гора....

— Да и прыщъ скверный. Который докторъ прижечь долженъ...

— Съ Дженерозо Швейцарія видна.

— И въ ясную погоду всѣ моря...

— Какія только есть на землѣ.

Когда я добрался до гостиницы, оборванцы чуть не заплакали.

— Синьоръ долженъ намъ дать что-нибудь.

— Разумѣется...

— Непремѣнно... Ему ничего не стоитъ.

— За что?

— За то, что мы люди бѣдные...

— И за разговоръ. Что же, намъ даромъ болтать съ путешественниками?

— Мы время теряли...

— И потомъ... думали...

— Мы тоже ѣсть хотимъ.

— Не пропадать же намъ.

— Вы будете потомъ своимъ рассказывать и смѣяться... Что же это, даромъ, что ли?

— Прикиньте, чего это стоитъ...

— Вамъ пятерка (пять лиръ) ничего... Все равно, что плюнуть.

— А мы за ваше здоровье по стаканчику выпьемъ...

— Ишь, насъ сколько.

— И всѣ умираемъ отъ жажды!

II.

Послѣ этакого дня ночная прохлада въ горахъ, мѣсяцъ въ высотѣ, молочный паръ въ синихъ ущельяхъ, длинныя тѣни платановъ, неожиданные высокіе молитвенные кипарисы, точно монахи, стройною процессіей взобравашіеся къ утесамъ для какого-то таинства... Запахъ жасминовъ

кружить голову, вездѣ, рядомъ съ тропинкой, весело бѣгутъ бессонные ключи и, какъ неугомонныя дѣти, болтаютъ всякій вздоръ... Порою жалобный крикъ филина и изломанныя черточки летучихъ мышей въ свѣтящемся воздухѣ. Осель, должно-быть, очень мнѣ благодаренъ за то, что я иду пѣшкомъ. То и дѣло дружелюбно тыкаетъ мнѣ горячимъ лбомъ въ спину. Поводарь поетъ что-то, намекая мнѣ, что порядочные люди за пѣсню платятъ особо...

— Да вы Мазини, что ли?

— Какъ Мазини!

— За такой голосъ, какъ вашъ, вы сами платить должны слушателю.

Онъ горестно замолкъ и больше не заикался про „дѣвицу, которую онъ ждетъ въ лодкѣ, замирая отъ восторга“. Правду сказать, эта дѣвица такъ же ему была къ лицу, какъ его ослу газовая юбка балерины.

Только подъ самымъ Интельви, когда синія ущелья раздвинулись и внизу сверкнуло не то озерко, не то излучина рѣки съ бѣлыми коваными изъ серебра домами, мой проводникъ заговорилъ опять.

— Иностранцы вообще плохо знаютъ эту долину.

— Слава Богу! О ней писано-переписано...

— Да, но не о томъ, что я вамъ хочу сказать...

— А именно?

— Тутъ каждый камень обрызганъ кровью „мучениковъ“.

— Какихъ?

— Мучениковъ Интельви... У насъ больше могилъ, чѣмъ домовъ... И каждая могила—Голгоѳа! Сюда со всѣхъ концовъ Италіи пріѣзжаютъ молиться и плакать.

— Ого! Какъ вы заговорили!...

— Это говорю не я, а наше прошлое. Теперь тутъ работаютъ и богатѣютъ... А еще недавно здѣсь дрались и умирали. Въ Интельви каждая семья имѣетъ своего „разстрѣляннаго“. Никто въ Италіи такъ дорого не заплатилъ за свободу, какъ эта долина. Когда Ломбардія и Венеція покорно лежали у ногъ Радецкаго, — Интельви одно слышать не хотѣло о швабахъ. Не хватало силъ драться, — умирало, но не сдавалось! Тутъ были деревни, въ которыхъ, кромѣ стариковъ и дѣтей, не оставалось ни одного живого, зато въ другихъ и старики шли вслѣдъ за сыновьями. Когда падала молодежь, — отцы брались за ея ружья и становились въ ряды...

Крутая тропинка внизъ...

Шелестъ зелени, точно каждая вѣтка киваетъ привѣтливо: „Давно бы тебѣ пора къ намъ“. Тихій свистъ вѣтра въ ущельѣ... Перебѣгающія тѣни на откосахъ. Гулъ водопада издали, и во всемъ неизъяснимое вѣяніе свободы и счастья... Чу! гдѣ-то ударилъ колоколь... Еще... Круглые, торжественные звуки медленно покатались по долині, наполняя всю ее до краевъ, и опять ночь молчитъ, высоко поднявъ надъ нею бѣлый, яркій фонарь мѣсяца... Точно нарочно свѣтитъ намъ,—не спутаться бы на переплетающихся дорожкахъ и не запнуться объ узловатые корни, неподвижными змѣями впившіеся въ нихъ...

III.

Теперь Интельви—счастливѣйшій уголокъ Италіи.

Люди отсюда хвалятся:

— У насъ нѣтъ нищихъ.

— Мы всѣ работаемъ...

— Интельви не нуждается въ пріѣзжихъ. Не то, что въ другихъ мѣстахъ. Мы и безъ нихъ проживемъ.

— У нихъ всѣ грамотные,—говорилъ мнѣ проводникъ.—Это велось изстари. Поэтому, когда началась борьба за свободу, — интельвійцы поднялись, какъ одинъ человекъ. Они не только знали свое прошлое, но и любили его. Одно невѣжество терпитъ рабство и подчиняется насилію.

„Трупами нашихъ враговъ отсюда можно наполнить все Комское озеро“.

— Такой аттестатъ долины выдалъ знаменитый фельдмаршалъ Радецкій...

— За нами четыре возстанія! — гордо говорятъ интельвійцы.

И дѣйствительно, они подымались противъ австрійцевъ въ 1833, 48, 54 и 59 годахъ.

— Какъ одинъ человекъ!.. Есть деревни, гдѣ въ эти годы никто не умиралъ собственной смертью изъ способныхъ держать оружіе.

— Тутъ женщины и дѣти дрались какъ взрослые.

— Въ моей семьѣ бабушка и тетка были убиты швабами! — показывалъ мнѣ оставшіяся послѣ этихъ мученицъ реликвіи благополучный интельвиецъ, теперь скульпторъ, извѣстный всей Италіи.